

САША ЧЁРНЫЙ

Смех сквозь слёзы (1809-1909)

Ах, милый Николай Васильич Гоголь!
Когда б сейчас из гроба встать ты мог,
Любой прыщавый декадентский щёголь
Сказал бы: «Э, какой он, к чёрту, бог?
Знал быт, владел пером, страдал. Какая редкость!
А стиль, напевность, а прозрения печать,
А тёмно-звонких слов изысканная меткость?..
Нет, старичок... Ложитесь в гроб опять!»

Есть между ними, правда, и такие,
Что дерзко от тебя ведут свой тусклый род
И, лицемерно пред тобой согнувши выи,
Мечтают сладенько: «Придёт и мой черёд!»
Но от таких «своих», дешёвых и развязных,
Удрал бы ты, как Подколесин, чрез окно...
Царят! Бог их прости, больных, пустых и грязных,
А нам они наскучили давно.

Пусть их шумят... Но где твои герои?
Все живы ли, иль, небо прокоптив,
В углах медвежьих сгнили на покое
Под сенью благостной крестьянских тучных нив?
Живут... И как живут! Ты, встав сейчас из гроба,
Ни одного из них, наверно, б не узнал:
Павлуша Чичиков — сановная особа
И в интендантстве патриотом стал —

На мёртвых душ портянки поставляет
(Живым они, пожалуй, ни к чему),

Манилов в Третьей Думе заседает
И в председатели был избран... по уму.
Петрушка сдуру сделался поэтом
И что-то мажет в «Золотом руне»¹,
Ноздрёв пошёл в охранное — и в этом
Нашёл своё призвание вполне.

Поручик Пирогов с успехом служит в Ялте²
И сам сапожников по праздникам сечёт,
Чуб стал союзником³ и об еврейском гвалте
С большою эрудицией поёт.
Жан Хлестаков работает в «России»,
Затем — в «Осведомительном бюро»,
Где чувствует себя совсем в родной стихии:
Разжился, раздобрел, — вот борзое перо!..

Одни лишь черти, Вий да ведьмы и русалки,
Попавши в плен к писателям modernes⁴,
Зачахли, выдохлись и стали страшно жалки,
Истасканные блудом мелких скверн...
Ах, милый Николай Васильич Гоголь!
Как хорошо, что ты не можешь встать...
Но мы живём! Боюсь — не слишком много ль
Нам надо слышать, видеть и молчать?

И в праздник твой, в твой праздник благородный,
С глубокой горечью хочу тебе сказать:
«Ты был для нас источник многоводный,
И мы к тебе пришли теперь опять, —
Но «смех сквозь слёзы» радостью усталой
Не зазвенит твоим струнам в ответ...
Увы, увы... Слёз более не стало,
И смеха нет».

1909

